

Сун Чжиши случайно узнал от второй сестры, Сун Чжиин, пренеприятнейшую весть. Старший зять, Лю Айминь, наслушавшись каких-то нелепых слухов, упрямо твердил, будто первенец рождён не от него. Сперва они со скандалом делили имущество, а после этот подлец и вовсе в открытую притащил в дом любовницу.

Когда же до столицы докатилась весть о гибели самого Чжиши, старшая сестра, Сун Чжиин, окончательно сломалась от горя.

Хоть Чжиин и отличалась кротким нравом, воспитана она была как барышня из приличного дома. Не стерпев столь откровенного надругательства, она подала на развод и, забрав ребёнка, оборвала все связи с бывшим мужем.

В те суровые годы разведённой женщине без работы и средств к существованию поднять на ноги дитя было сродни подвигу. Кончина любимого брата окончательно лишила её воли к жизни; не прошло и нескольких лет, как Чжиин угасла от беспросветной тоски.

После её кончины бывший зять внезапно воспылал отцовскими чувствами и затеял с Чжиин тяжбу за опеку над сиротой. Но у второй сестры и своих детей было пруд пруди, ещё один рот семья бы попросту не потянула. В этот критический момент на помощь пришёл Гу Хуай: действуя властно и напористо, он оформил опеку и забрал маленького Сун Шианя к себе.

Обретя со временем былую призрачную силу, Сун Чжиши научился преодолевать огромные расстояния. Он странствовал по свету, набираясь ума-разума, изредка навещал вторую сестру. Но жизнь Чжиин текла мирно и счастливо, её дети выросли достойными людьми, так что тревожиться за неё не приходилось. Племянник же, Сун Шиань, под крылом закоренелого холостяка Гу Хуая рос окружённым заботой и теплом. Убедившись, что все земные долги закрыты, Чжиши со спокойной душой пустился в бесконечное паломничество.

На его глазах истерзанная распрями страна крепла и объединялась, поднимаясь из беспросветной нищеты к нынешнему величию. Он видел, как когда-то знакомые ему зелёные юнцы мужали, покрывались благородной сединой и один за другим уходили в небытие. Гу Хуай оставался последним из его сверстников, кто ещё топтал эту землю.

Теперь ушёл и Гу Хуай. Быть может, пришло время и самому Чжиши отправиться на колесо перерождений?

На мгновение его охватило странное оцепенение. Очертания призрачного тела начали таять в воздухе, а остатки сил — неудержимо утекать.

Не успел он опомниться, как неведомая могучая сила увлекла его в бездонную воронку. В последнее мгновение в угасающем сознании вспыхнула лишь одна мысль:

"Долг перед Гу Хуаем за спасение нашей семьи я смогу вернуть разве что в следующей жизни..."

Открыть глаза, закрыть...

Открыть, закрыть...

Повторив это нехитрое действие добрый десяток раз, Сун Чжиши наконец осознал невероятное: он снова дышит. Он действительно жив.

Лёжа на спине, он безучастно разглядывал пожелтевшую москитную сетку над головой. В комнате стояла гулкая тишина, в косых солнечных лучах лениво кружились пылинки, а из-за ветхого окна доносился весёлый детский смех. Ни одна душа в мире не догадывалась, что в стенах этой полуразрушенной усадьбы молодой человек только что совершил невероятный скачок через бездну смерти и жизни.

Окончательно прийти в себя его заставил дикий голод, от которого сводило внутренности. Чжиши скосил глаза на висевший на стене отрывной календарь. Крупные красные иероглифы гласили: девятнадцатый день шестого лунного месяца года Гуйчоу — 18 июля 1973 года. Седьмой год затянувшейся «эпохи перемен». А ему самому сейчас едва исполнилось двадцать лет.

В пятнадцать лет дед под предлогом сопровождения бесприданницы насильно увёз его в глухой городишко Хэло. В конце прошлого года Чжиши и самого принудили пойти под венец с Гу Хуаем, заключив брачный союз мужчин. Именно тогда запустился обратный отсчёт последних трёх лет его непутёвой жизни.

Сун Чжиши тяжело вздохнул. Пусть это перерождение и случилось поздно, главное — близкие пока целы. Старшая сестра всё ещё в столице, вторая — здесь, под боком, а дед мотает срок в какой-то богом забытой тюрьме. Если все они живы, ему больше ничего для счастья не нужно.

"Но всё же... где я очутился? Почему это место стёрлось из памяти?"

Из-за двери донёсся восторженный возглас:

— Молодой господин! Молодой господин, вы очнулись!

Чжиши долго всматривался в лицо вбежавшего паренька — одетого в обноски, но на удивление бодрого и румяного. Наконец в памяти всплыло имя:

— Сяо... Сяо До?!

Сун До был внуком их старого верного управляющего. С началом беспорядков его вместе с Чжиши сослали сюда, в Хэло. В отличие от сомнительного «помещичьего» происхождения Чжиши, семья Сун До происходила из батраков, а значит, принадлежала к чистейшему

угнетённому пролетариату. Благодаря столь безупречной анкете старший брат До быстро ушёл в армию, став почётным солдатом. Сам До, бывший на несколько лет младше Чжиши, пока ещё грыз гранит науки. Они выросли бок о бок и были привязаны друг к другу пуще родных братьев.

Поставив миску с жидким рисовым отваром на колченогий табурет, Сун До с громким плачем рухнул на грудь Чжиши:

— Ох, молодой господин! Наконец-то вы пришли в себя! Ну и напугали же вы меня!

Чжиши неловко, одеревеневшими руками приобнял плачущего парнишку.

В голове наконец прояснилось, и Чжиши вспомнил: в эту лачугу он сбежал после грандиозного скандала с Гу Хуаем. Повздорив с мужем, он в порыве глупой гордости хлопнул дверью и припёрся отсиживать к Сяо До.

За давностью лет истинная причина ссоры стёрлась из памяти, но Чжиши прекрасно помнил другое: в ту пору он был редкостным, напыщенным гордецом.

Переведясь из элитной школы провинциального центра в эту глухомань, он откровенно презирал здешнее захолустье. На уроках откровенно витал в облаках, с одноклассниками общался сквозь зубы, да и у преподавателей вызывал лишь раздражение. Разумеется, при распределении его кандидатуру попросту задвинули в самый конец очереди. И если бы не заступничество Гу Хуая, пристроившего его учителем в отдалённую сельскую коммуну, сидеть бы ему без куска хлеба.

В те годы жалованье у сельских учителей было копеечным, зато место — тихим и безопасным. С его-то клеймом «неблагонадёжного элемента» получить такую работу считалось немыслимой удачей.

Воспоминания заставили Чжиши досадливо поморщиться: он ведь тогда даже спасибо не сказал.

С подачи покойной бабушки он с пелёнок бредил музыкой и балетом. А в захолустном Хэло не водилось ни просторных репетиционных залов, ни роялей, ни изящного общества — лишь согнутые в три погибели крестьяне на пыльных полях да ватаги чумазных деревенских ребятишек.

Едва прослышав, что престижный Шахтерский ансамбль песни и пляски Шэньгань объявил набор, Чжиши наплевал на приличия. Он бросил школу и без предупреждения примчался в гарнизон к Гу Хуаю. Стоит ли говорить, какая буря сплетен поднялась среди офицерских жён, стоило им разузнать о постыдном союзе названных братьев своего командира?

Книжный автор не вдавался в бытовые подробности той поры, но сам Чжиши, став бесплотным духом, исходил горькими слезами раскаяния при каждом воспоминании о своём малодушии.

Оставшись без гроша и дела, он осел в военном городке. И всё так же воротил нос от окружения: Хэло казался ему убогой дырой, а соседки по дому — тёмными, неотёсанными бабами. Он ухитрился переругаться буквально со всеми, из-за чего несчастный Гу Хуай вечно сгорал со стыда перед сослуживцами.

Изнеженный барчук не умел элементарно обиходить себя, полностью переложив заботу о своём быте на плечи преданного Сяо До. Когда же Гу Хуай волевым решением отправил мальчишку учиться, Чжиши закатил супругу грандиозный скандал, посчитав это личным оскорблением.

От подобных мыслей Сун Чжиши нестерпимо захотелось отвесить самому себе звонкую затрещину.

— Эх... — вырвался у него протяжный, полный раскаяния вздох.

Погружённый в пучину самобичевания, он не заметил, как испуганно вытянулось лицо Сяо До. Мальчишка недоумевал: что стряслось с молодым господином? Неужто лихорадка в голову ударила? Чего это он то глупо улыбается, то вздыхает как покойник?

В прошлой жизни ему было невыносимо признать, что холёный наследник великого рода превратился в нищего ссыльного. Да ещё и вынужден делить постель с неотёсанным солдафоном! До приезда в Хэло Чжиши и помыслить не мог, что двое мужчин могут сочетаться браком — для него это казалось верхом противоестественности и позора.

Оттого он и исходил желчью, отравляя существование окружающим бесконечными жалобами и капризами.

С момента заключения брачного союза мужчин они с Гу Хуаем не знали ни одного мирного дня. Ссоры вспыхивали регулярно: мелкие — каждые три дня, крупные — раз в неделю. Хотя, положив руку на сердце, скандалил лишь он один: бился в истериках и швырял вещи, пока Гу Хуай молча, с каменным лицом сносил все его нападки.

Вскоре Гу Хуай демобилизовался и устроился на шахту Шэньгань начальником конторы. Чжиши тут же заставил его воспользоваться связями и пристроить себя в вожделенный ансамбль песни и пляски, наивно предвкушая скорый триумф.

Однако брак без любви принёс лишь горечь, да и карьера на сцене не заладилась. Взаимные обиды копились как снежный ком, пока спустя три года они не разошлись. А вскоре после этого Чжиши глупо погиб под колёсами грузовика.

Если верить сюжету книги, именно после их разрыва звезда Гу Хуая стремительно взошла на небосклон: его ждала головокружительная карьера, богатство и вереница восторженных поклонников...

Чжиши в несколько жадных глотков осушил миску. Но пустой желудок лишь отозвался жалобным урчанием: рисовая водица провалилась как в сухую землю, не оставив и следа сытости.

В прошлой жизни он ревностно следил за талией, питаясь крошечными порциями изысканных блюд. В Хэло же о деликатесах пришлось забыть. В условиях вечного дефицита и карточной системы он исхудал до такой степени, что напоминал сухую ветку вербы: казалось, сильный порыв ветра сдует его без следа.

При мысли о кулинарных изысках сытого будущего у Чжиши, не вкушавшего нормальной еды несколько десятилетий, буквально потекли слюнки.

К чёрту балет! К чёрту изнурительные диеты! К чёрту сцену!

Он хочет просто жить. Жить долго, до ста лет, и есть мясо. Много сочного, жирного мяса!

Сяо До растерянно поскрёб затылок и виновато пробормотал:

— Простите, молодой господин... У нас в закромах шаром покати, только этот отвар и остался. Мяса нет совсем...

Чжиши внезапно устыдился: он ведь бесстыдно объедал бедного парня всё это время, лишая его последнего куска.

Утерев рот ладонью, он серьёзно посмотрел на паренька:

— Сяо До, забудь слово «господин». На дворе новые времена, зови меня просто по имени. И учись прилежно, не разочаровывай нас с... с братом Гу. На еде не экономь, а если понадобятся деньги — только скажи, я раздобуду.

Семнадцатилетний До шмыгнул носом, его глаза подозрительно заблестели от нахлынувших слёз:

— Да мне ничего и не надо... Я ведь только за вас переживаю. Что же вы делать-то будете, молодой господин? Ведь без работы остались...

И правда. Стабильную должность учителя он с глупой гордостью потерял. И как теперь перебиваться?

На этот вопрос у Сун Чжиши ответа не было. Они оба погрузились в тягостное молчание.

<http://bllate.org/book/19670/1950714>